

УДК 330.1

Б. В. Салихов

*д-р экон. наук, проф., проф. каф. теории регионоведения
Московского государственного лингвистического университета,
проф. каф. экономики городского хозяйства и сферы обслуживания
Московского университета имени С. Ю. Витте
e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru*

**ИМПЕРАТИВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА**

Разработаны научно-практические системные рекомендации, обеспечивающие существенную трансформацию экономической политики государства в сторону создания реальных оснований устойчивого экономического роста российской экономики. Методологией исследования явился системный и междисциплинарный подход к проблеме устойчивости социально-экономического роста. Научная новизна материала заключается в следующих положениях: показана взаимосвязь экономической идеологии, политики, управления и хозяйственной практики как основных элементов современной экономики, призванных обеспечить ее устойчивость; доказан объективный характер низкой эффективности экономической бюрократии; обоснован социально-экономический механизм преодоления провалов государства в сфере разработки современной экономической политики; предложена общая схема формирования цивилитарной системы собственности как онтологии экономической и социальной устойчивости любой хозяйственной системы.

Проблема устойчивого развития и устойчивого экономического роста давно является злободневной и дискуссионной в отечественной и зарубежной экономической и междисциплинарной литературе. Общие тенденции социально-экономического развития и связанные с этим релевантные вопросы устойчивости исследуются непосредственно и в контексте выявления внутренних и внешних факторов хозяйственной динамики развивающихся (переходных) и развитых (лидирующих) стран. В частности, в методологически целостных и весьма глубоких по смысловому содержанию работах В. М. Полтеровича, Д. Аджемоглу и ряда других исследователей особое внимание уделяется роли и значению уровня развитости гражданского общества и, в связи с этим, эффективности соответствующих инклюзивных и экстрактивных институтов с приоритетом первых над вторыми [19–21]. При этом, однако, не является очевидным, что именно инклюзивные институты предстают в качестве «стабилизатора» по отношению ко множеству факторов риска и неопределенности в системе принимаемых хозяйственных решений на всех уровнях.

Отечественная институциональная история имеет и другие подтверждения: например, советский период, при всех сложностях и противоречиях социально-экономического развития, характеризовался гораздо большей степенью экономической устойчивости, чем сегодняшняя российская «рыночная система». Да и среднегодовые темпы роста ВВП были существенно выше, чем в период «свободного» рынка. Так, за период с 1928 по 1985 г. среднегодовые темпы прироста ВВП составляли примерно 4,2 % (включая годы Великой Отечественной войны) против 0,7 % в 1991–2018 гг. (включая период трансформационного спада начала 1990-х гг.) [1; 9]. Цифры, конечно же, впечатляют. В связи с этим резонно констатировать, что активное внедрение требований «Вашингтонского консенсуса» и различных монетарных правил и либеральных концептов на российский «социально-экономический грунт» не дало ожидаемых высоких

результатов, несмотря на продолжающиеся попытки обосновать «ренессанс» идеологии монетаризма [16].

Заслуживает пристального внимания качественно обновляемая общая теория экономического роста, которая всегда прямо и непосредственно увязывалась с проблематикой устойчивого хозяйственного развития конкретной страны и региона. Вслед за широко известными моделями экзогенного экономического роста Р. Солоу, перекрывающихся поколений П. Даймонда, значительно обновленной Ф. Агийоном шумпетерианской теории «созидательного разрушения» растет популярность концептов и парадигм *эндогенного экономического роста, связанных с креативно-когнитивной и инновационной деятельностью, прежде всего, предприятий и организаций*. Примечательно, что Нобелевская премия по экономике за 2018 г. была присуждена П. Ромеру и В. Нордхаусу именно за разработку эндогенного экономического роста, что является критически важным основанием для обеспечения его поступательной устойчивости, ибо обосновывается такой рост на собственной основе, за счет мобилизации внутренних факторов и креативных ресурсов экономических агентов всех уровней [9]. Устойчивость экономического роста здесь напрямую увязывается с корпоративными инновациями и защитой прав интеллектуальной собственности при одновременном широком использовании спилловер-эффектов.

Важно подчеркнуть, что большинство существующих подходов, концепций и рабочих гипотез, касающихся исследования механизмов устойчивого экономического роста, идеологически по-прежнему «подпитываются» неоклассическими и/или неонституциональными научными парадигмами, где основными «единицами» анализа являются, соответственно, «эгоистический индивид» и «транзакция». Замедление темпов роста мирового ВВП, а также механизм торможения отечественной экономики, перерастающий в механизм длительной стагнации, являются убедительным доказательством серьезных дисфункций монетаризма и институционализма, если они включаются исследователями и практиками в более широкий и одновременно глубокий логико-гносеологический и аналитический процесс и контекст [3; 4]. Этот «более глубокий» контекст исследователи все чаще увязывают с такой единицей анализа, как «система», и, следовательно, с необходимостью системного подхода к проблеме, в данном случае устойчивого развития в форме экономического роста.

В связи с этим наиболее продуктивными представляются дискуссионные положения и результаты исследований проблем устойчивого развития отечественной экономики учеными, использующими методологические постулаты системной парадигмы. При этом наиболее целостным предстает качественный анализ, проводимый Г. Б. Клейнером [10; 11]; количественный аспект проблемы с обоснованием индекса устойчивого развития экономики представлен работами С. Н. Бобылева, Н. В. Зубаревич и других исследователей [2]. Ценность и высокая результативность системного подхода определяется тем, что он является одновременно многодисциплинарным и методологически неортодоксальным, т. е. использующим достижения всех существующих исследовательских программ, включая монетарные, неокейнсианские, нешумпетерианские и другие творческие концепты. Но главное заключается в том, что системный подход оставляет «открытые двери» для дальнейшей дискуссии на соответствующие темы, а также для теоретического и научно-практического использования любых достижений релевантных исследовательских инноваций. Суть методологии системной парадигмы в исследовании устойчивого экономического роста заключается в поиске и выявлении «узких мест» в различных ключевых подсистемах современной экономики с учетом конкрет-

ного этапа развития воспроизводственного и/или кризисного цикла. При этом основные подсистемы представлены следующими элементами.

Во-первых, это *экономическая наука (теория)*, призванная исследовать ключевые явления хозяйственной действительности, а также выявлять и формулировать объективные экономические законы, закономерности и тенденции соответствующего развития. Кроме того, основной функциональный и аксиологический смысл экономической теории заключается в *разработке рекомендаций для экономической и социально-экономической идеологии*, которая призвана стать ведущим ценностно-смысловым элементом всей системы хозяйственных отношений. В частности, такие интегральные концепты, как монетаризм, кейнсианство, институционализм, эволюционная экономика и многие другие, и есть экономическая идеология как наиболее общий ценностно-смысловой конструкт, детерминирующий качественную целостность всех последующих решений и взаимодействий. Примером *социально-экономической идеологии* может быть модель социального государства, или «вашингтонский консенсус», с приоритетом стихийных сил механизма рынка и др. *Основными заинтересованными субъектами* развития экономической науки являются междисциплинарные ученые-экономисты – сотрудники академических профильных организаций, а также профессора и преподаватели, прежде всего высших учебных заведений, т. е. *креативная элита общества*. Очевидно, что уровень и качество экономической теории как источника экономической идеологии всегда есть функция уровня и качества условий и факторов, обуславливающих развитие креативного капитала названных субъектов, а также их заинтересованностью в высокой эффективности решения актуальных исследовательских задач [27].

Во-вторых, это *экономическая и социально-экономическая политика государства*, призванная системно реализовать научно обоснованную экономическую идеологию, трансформируя ее в соответствующие интегральные социально-экономические цели и стратегические установки. Цели и инструменты экономической политики носят наиболее общий характер и могут охватывать целевые установки темпов роста ВВП, показатели развития базовых отраслей промышленности (промышленная политика), решения о приватизации либо о национализации объектов собственности (политика развития общественного сектора экономики), бюджетные и монетарные правила (фискальная и денежно-кредитная политика), рекомендации и ориентиры по изменению условий в сфере научно-образовательной, инвестиционной, внешнеэкономической деятельности и многое другое. Показатели *социально-экономической политики государства* могут непосредственно увязываться с уровнем и качеством жизни домохозяйств, высшей формой системного проявления которых является достойная жизнь, а также с такими переменными, как целевые ориентиры роста ВВП на душу населения, инклюзивный рост ВВП, связанный с повышением уровня жизни каждого домохозяйства и т. д.

Очевидно, что качество социально-экономической политики напрямую зависит от качества, а также от системы *экономических и других интересов основных субъектов развития* экономической и социально-экономической политики, т. е. от качества *высшего руководства, или политико-экономической элиты государства*. Представителями такой элиты являются лидер страны (президент), его администрация, а также различные назначенные эксперты, советники и помощники, всегда имеющие собственные интересы и учитывающие их при разработке соответствующих решений. К политико-экономической элите следует также причислить и законодательные органы государственной власти – обе палаты Федерального собрания страны. Резонно отметить, что ожидаемая высокая эффективность экономической политики государства (продукт деятельности политико-

экономической элиты государства) всегда есть функция высокой эффективности экономической науки (продукт деятельности креативной элиты общества). Всякое нарушение и/или разрушение этой «сцепки» элит может быстро привести страну и ее экономику к системной социально-экономической деструкции. В частности, на рекомендации экономической науки (креативной элиты общества) о необходимости реализовать запрос общества на справедливость в распределении благ экономическая политика (политико-экономическая элита государства) может адекватно не отреагировать, создавая тем самым источник социальной напряженности и подрывая институциональное доверие (доверие граждан государству) [22].

В-третьих, важнейшей подсистемой современной экономики как качественной целостности является *экономическое и социально-экономическое государственное управление*, призванное институционально реализовать требования и установки экономической политики, т. е. провести в жизнь фундаментальные политико-экономические решения одноименной элиты. Основным субъектом данной подсистемы экономики является *бюрократический аппарат государства*, или класс государственных чиновников, представленный правительством страны и премьер-министром, а также множеством министерств и ведомств в центре и на местах, обладающих *реальной экономической властью* для реализации соответствующих решений. Под экономической властью в данном случае следует понимать возможность бюрократического класса производить формальные институты (указы, постановления, распоряжения и другие подзаконные акты), системно регулирующие и координирующие весь спектр экономических и социально-экономических взаимодействий. При этом очевидно, что государственные бюрократы (в общепринятом хорошем смысле) естественным образом имеют собственные, личные интересы, связанные с повышением своего служебного статуса и, конечно же, с максимизацией дохода. Это обстоятельство напрямую связано с попытками, при определенных институциональных условиях воссоздавать конфликт интересов, проявляющийся в различных формах рентоориентированного поведения и деловой коррупции [14].

Важнейшая интрига, связанная с деятельностью чиновничье-бюрократического аппарата в сфере организации и осуществления государственного управления экономикой, заключается в *реальном обладании бюрократией государственными властными полномочиями*. Социально-экономическая эффективность и качество применения этих полномочий напрямую зависит от множества субъективных и объективных факторов. К субъективным факторам следует отнести личностные свойства чиновников и их различных сообществ: ценностные смыслы, управленческие традиции, уровень управленческих компетенций и деловая репутация, стремление к карьерному росту и др. Объективными обстоятельствами для деятельности, например, чиновников в округах, регионах и муниципалитетах являются «правила игры», идущие «сверху», от вышестоящих чиновников, а также требования местных гражданских сообществ, предпринимателей и т. д.

В том случае, если контроль со стороны гражданского общества и местных гражданских сообществ над деятельностью бюрократии слабый либо попросту отсутствует, *закономерным является не просто «соблазн», но и системный, многоуровневый механизм поиска всеми чиновниками административной ренты*, т. е. сверхдохода, который обеспечивается и расширенно воссоздается с помощью релевантного использования властных полномочий. В такой ситуации формируется и развивается бюрократическая частная собственность на государственные властные полномочия и, как следствие, существенная деформация собственно государства при «разбалансировке» всей системы экономических интересов в обществе [23]. Такой деформации не произойдет, если обще-

ство *на деле* может и умеет осуществлять контроль над деятельностью чиновников, кому оно лишь временно доверило управлять своими делами.

В-четвертых, подсистемой современной экономики (в широком смысле) является *практическая экономика, или хозяйственная практика* (экономика в узком смысле), в процессе которой осуществляется воспроизводство всего набора ценных благ. Основными субъектами, действующими в рамках данной подсистемы, являются предприниматели, бизнесмены и домохозяйства, а также собственники предприятий и различных невещественных активов, включая системы человеческих (интеллектуальных и креативно-интеллектуальных) капиталов. Именно на этом уровне экономики осуществляется «таинство» эндогенного экономического роста в форме воссоздания различных, прежде всего корпоративных управленческих, организационных, институциональных, когнитивных и иных инноваций [9]. Вполне ожидаемым императивом здесь является превращение фирм и домохозяйств в самообучающиеся организации и «наноорганизации», способствующие непрерывности процесса индивидуальной и корпоративной познавательной деятельности [24].

Очевидно, что все субъекты (участники рассматриваемой подсистемы) имеют свои интересы, в соответствии с которыми формируют механизмы рациональных и других ожиданий, принимают инвестиционные и другие решения, призванные обеспечить им высокую эффективность творчески-трудовой деятельности. Социально-экономическая эффективность и качество функционирования всех звеньев данной подсистемы (практической экономики) в существенной степени обуславливается адекватной результативностью и качественными характеристиками подсистемы государственного управления экономикой, т. е. *эффективностью макроэкономического институционального капитала*, расширенно воссоздаваемого и внедряемого в экономическую деятельность «на местах», государственной бюрократией. Если институты государства являются низкокачественными и не отвечают требованиям хозяйственной практики, предпринимательство и бизнес прекращают свою работу либо уходят «в тень», что незамедлительно сказывается на благополучии множества домохозяйств и их конкретных членов. Если же институты, разрабатываемые «наверху», учитывают реальный институциональный спрос, предъявляемый «снизу», то возникает и воссоздается *институциональный акселератор (мультипликатор)*, катализирующий всю систему творчески-трудовых взаимодействий. Например, слабая система защиты прав собственности (сфера ответственности управления экономикой со стороны государства) едва ли когда-нибудь обеспечит инвестиционный и инновационный прорыв в практической экономике (сфера ответственности бизнеса и домохозяйств); равно как и несправедливая система налогообложения вкупе с постоянно высокими кредитными ставками и т. д.

Краткий анализ четырех подсистем экономической действительности (экономики в широком смысле) позволяет предварительно обозначить следующий круг ключевых проблем, которые могут квалифицироваться как некоторые обобщающие результаты исследования. *Во-первых*, современная экономика представляет собой сложную взаимосвязь каузально детерминированных подсистем, и проблема обеспечения устойчивого экономического роста, по сути, сводится одновременно к *устойчивости этих подсистем и их когерентному, взаимно детерминированному развитию*. Очевидно, что это потребует «точечного» анализа и одноименных инвестиций в приоритетное развитие тех подсистем, которые на определенном этапе хозяйственной динамики являются ключевыми, критически значимыми. Например, в условиях современного затянувшегося «механизма торможения» отечественной экономики первостепенным объектом инве-

стирования с целью существенной трансформации является подсистема управления экономикой. Крайне низкая эффективность национальной бюрократии, расширенно воспроизводящая низкокачественный институциональный капитал, является системным тормозом экономики [8; 17].

Во-вторых, факт наличия в рамках каждой подсистемы экономики собственной структуры и/или иерархии экономических интересов соответствующих субъектов объективно предопределяет необходимость выявления их онтологии, анализа специфики реального функционирования и развития, а также последующей конкретизации и оптимизации, т. е. *обеспечения единого баланса интересов участников всех подсистем*. Без такого баланса невозможно добиться общей синхронизации экономической идеологии, экономической политики, институциональных «правил игры» и творчески-трудовых интенций участников непосредственно воспроизводства благ. Всякое нарушение названного баланса либо отсутствие сознательного стремления к его обеспечению закономерно приводит к общей хозяйственной деструкции, проявляющейся в примитивизации научных исследований (вследствие невостребованности результатов) и экономической политики (из-за ее нацеленности на решение сиюминутных, а не стратегически значимых задач), в архаизации управления экономикой (человеческий капитал так и не стал основным объектом инвестирования) и разрушении творчески-трудового потенциала страны (действующие «правила игры» блокируют креативную энергию предпринимателей).

В-третьих, как свидетельствует экономическая история, ключевым элементом, или фактором, «балансировки» экономических интересов является собственность как общественная форма ценности или общественная форма отношений, возникающих между людьми в сфере и по поводу присвоения различных благ. В связи с этим представляется критически важным *интегрировать теорию собственности и проблематику обеспечения устойчивого экономического роста именно с учетом специфики функционирования четырех подсистем*. Резонно предположить, что «стяжкой» всех элементов разрозненных и, несомненно, противоречивых (по содержанию и направленности) экономических интересов субъектов всех четырех подсистем может стать *сбалансированная система собственности*, что требует самостоятельного исследования. В решении этой задачи, отметим попутно, существенно возрастает роль первой подсистемы современной экономики, т. е. экономической теории (науки), призванной разработать ясные рекомендации по дальнейшему модифицированному развитию собственности, но теперь уже как системного феномена [11].

В-четвертых, очевидно, что качество отмеченной «стяжки» экономических интересов с помощью теоретико-методологических и научно-практических инноваций в понимании и использовании системы собственности *должно тестироваться на предмет соответствия требованиям реального положения дел в рамках национального и регионального хозяйства*. Речь идет о том, что экономические интересы являются «струнами мотивации» различных субъектов деятельности, и «звучать» эти струны должны по-разному в зависимости от фазы (этапа) экономического и воспроизводственного цикла. Например, в условиях кризиса, как отмечалось, необходима актуализация интересов (посредством решения соответствующих инвестиционных задач) субъектов управления экономикой страны. В посткризисной ситуации «набирает обороты» бизнес и активизируются домохозяйства, что предполагает заблаговременные инвестиции в пользу данных хозяйственных агентов. Свою специфику имеет межкризисный и предкризисный период, что предопределяет необходимость четкого позиционирования

системы экономических интересов и анализ системы собственности соответствующих критически значимых субъектов деятельности [12; 13].

В-пятых, в современных условиях (а возможно, и всегда) критически важное значение приобретает экономическая теория, призванная дать свой *креативный ответ на возникшие теоретико-методологические вызовы и угрозы*. Основным вызовом, перерастающим в угрозу системных социальных деструкций, здесь является растущая неадекватность «рыночноцентрической» модели хозяйствования императивам ноосферной (разумной, гуманистической, креативно-интеллектуальной) экономики [3; 4]. В терминах становящейся все более актуальной марксистской политической экономии расширенно воссоздается объективное противоречие между архаичными, монетарно ориентированными институтами-постулатами свободного рынка (производственные отношения) и императивом качественного, именно ноосферного, гуманистически ориентированного обновления факторов производства (производительные силы), которые пока остаются в «угнетенном» состоянии вследствие низкого качества национального институционального капитала.

Креативный ответ на существующую ситуацию может быть разработан экономической наукой в русле становления *идеологии экономического антропо- и социоцентризма*, призванной «вывести» человека, домохозяйство, общество и цивилизацию в целом в разряд цели экономики и всей системы экономических отношений. В практическом смысле речь может идти о создании целостной концепции *достойной жизни человека и общества как функции интеллектуальной (ноосферной) экономики*, основанной исключительно на воспроизводимых факторах производства. Для создания такой экономики необходима креативная революция, на которую способны только люди, живущие достойно и стремящиеся закрепить это достоинство с помощью масштабных и радикальных креативных инноваций. Резонно отметить, что *идеологическим и ценностно-смысловым стержнем* развития всех подсистем экономики может и должна стать концепция устойчивости достойной жизни домохозяйств, являясь одновременно интегральной целью устойчивого экономического роста и специфическим фактором его социального обеспечения [25]. Общая, концептуальная, по сути, программная модель системного обеспечения устойчивого экономического роста показана на рисунке.

Таким образом, *общими результатами проведенного исследования* могут быть следующие интегральные умозаключения, имеющие существенное значение для современной российской экономики.

I. Любые попытки осуществить структурную перестройку, реализовать императивы региональной политики, ликвидировать провалы государства в сфере социальной политики, обеспечить рост институциональной и управленческой эффективности, мобилизовать культурный и социальный капитал и многое другое видятся *бесперспективным*, если будут предприниматься в рамках традиционной «нормальной науки» (по Т. Куну), под которой следует понимать «безоговорочное» предпочтение экономической философии «Вашингтонского консенсуса», или так называемого мейнстрима. Провальный характер этого «основного течения» уже многократно доказала сама отечественная хозяйственная практика хотя бы потому, что мифические силы механизма конкурентного рынка никак не связаны с императивами промышленной политики, не нацеливают экономику на расширенное воссоздание общественных и смешанных благ, роль и значение которых в современной экономике неуклонно возрастает (фундаментальная наука, новое качество образования, развитие технологий креативной деятельности и др.).

Рисунок. – Концептуальная модель обеспечения устойчивого экономического роста

В связи с этим сегодня требуется не «сдвиг парадигмы» и не «перезагрузка» прежних ценностей монетарной плутократии, а создание качественно нового аксиологического, экономико-идеологического и, следовательно, теоретико-методологического концепта, основанного не на экономической философии «эгоистического индивида, стремящегося к максимизации полезности (доходности)», а на социально-экономической философии *системного экономического агента, стремящегося к максимизации полезности, одновременно как индивида, члена корпоративных сообществ и как члена общества*. Личность в этой модели выступает как «свернувшееся общество», а само общество одновременно предстает как «развернутая личность». Отдельно функционирующий

затели хозяйственной динамики [1; 5; 7]. Более аргументированными представляются причины, связанные с рентоориентированным поведением чиновничьей бюрократии и одноименным присвоением различных благ, прежде всего денег, в процессе коррупционных сделок [15].

Фактором, тормозящим ожидаемую высокую результативность государственного управления экономикой, является недостаточный уровень знаний и компетенций соответствующих чиновников, имеющих весьма слабое представление о путях, формах и способах развития национального и регионального институционального капитала, становления системы доверительных отношений, императивах структурной перестройки экономики при ее одновременной цифровизации и т. д. Можно заключить, что для третьей подсистемы современной экономики (экономическое управление) требуется качественно новая парадигма, основанная на существенном *когнитивном и мотивационном «сдвиге»*, *имеющем ноосферную нацеленность при ускоренной «реанимации» отраслей, расширенно воспроизводящих новые знания, технологии и конечные продуктовые инновации*. Очевидно, что здесь требуется новая система смыслов и экономической заинтересованности бюрократического класса, нацеливающая творчески-трудовую энергию чиновников не на поиск «плохой» ренты, а на разработку, вслед за новой социально-экономической доктриной, высокоэффективных управленческих решений. Для начала в нашей стране важно как можно скорее сформировать «антикризисное правительство», способное осуществить технологический прорыв и создать новую систему образования.

IV. Известно, что качество продуктивности и эффективность хозяйственной практики (четвертая подсистема современной экономики) в существенной степени обуславливается экономической политикой и соответствующим государственным управлением, где, как выяснилось, существует множество «провалов», воссоздающих такое же множество «ловушек». Однако концепция эндогенного экономического роста, разрабатываемая в современной релевантной литературе [9], в любом случае предполагает ускоренное развитие корпоративных, внутрифирменных форм и способов расширенного воспроизводства когнитивных, технологических и продуктовых инноваций. Это означает, что в систему современного предпринимательства и бизнеса должны быть интегрированы механизмы (формы, способы, институты, алгоритмы и т. д.) *организационного самообучения* [24; 26], *обеспечивающего расширенное воспроизводство индивидуального и корпоративного креативно-интеллектуального капитала*. Даже при существующих институциональных барьерах и фискально-монетарных преградах в форме налоговой и кредитной рестрикции, результаты корпоративного самообучения могут стать мощнейшим фактором экономической устойчивости предприятий и домохозяйств.

В целом резонно отметить, что формирование и развитие механизмов устойчивого экономического и особенно социально-экономического роста в современном отечественном хозяйстве требует *когерентных и комплементарных усилий ученых (нет ничего практичнее хорошей теории), политико-экономической и управленческой элиты, а также всех субъектов-практиков, включая домохозяйства*. Резонно предположить, что единым стягивающим «обручем» всей системы разнонаправленных (в современной отечественной экономике) социально-экономических интересов может и, очевидно, должна стать *качественно обновленная вся институциональная система, а также заново конституированная система собственности как «звездь» всей программы институциональных преобразований*. В самом деле, «институты имеют значение» [18], и если национальный институциональный капитал в развивающейся хозяйственной систем воспроизводится не в интересах всей нации, то о действенной защите прав собствен-

ности представителей этой нации речь попросту не идет, т. к. нет ясности в том, существует ли вообще разумная система собственности в такой хозяйственной системе. В связи с этим требуется глубоко исследовать положение Г. Гегеля о том, что «разумность собственности заключается не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо выступает как разум» [6]. Конкретизированная, уточненная и всемерно защищенная система собственности, возможно, явится тем «звеном», которое позволит решить ключевые проблемы обеспечения устойчивого роста российской экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, Э. Ф. Взгляд на российскую экономическую трансформацию / Э. Ф. Баранов, В. А. Бессонов // *Вопр. экономики.* – 2018. – № 11. – С. 142–160.
2. Бобылев, С. Н. Вызовы кризиса: как измерить устойчивость развития? / С. Н. Бобылев, Н. В. Зубаревич, С. В. Соловьева // *Вопр. экономики.* – 2015. – № 1. – С. 147–160.
3. Бузгалин, А. В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) / А. В. Бузгалин // *Вопр. экономики.* – 2018. – № 2. – С. 122–142.
4. Бузгалин, А. В. «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // *Вопр. экономики.* – 2004. – № 3. – С. 36–50.
5. Бузгалин, А. В. Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // *Вопр. экономики.* – 2016. – № 1. – С. 63–81.
6. Гегель, Г. В. Ф. *Философия права* / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – С. 101.
7. Гурвич, Е. Т. Бюджетные правила: избыточное ограничение или неотъемлемый инструмент бюджетной устойчивости? / Е. Т. Гурвич, И. А. Соколов // *Вопр. экономики.* – 2016. – № 4. – С. 5–29.
8. Зайцев, А. А. Межстрановые различия в производительности труда: роль капитала, уровня технологий и природной ренты / А. А. Зайцев // *Вопр. экономики.* – 2016. – № 9. – С. 67–93.
9. Замулин, О. А. Экономический рост: Нобелевская премия 2018 года и уроки для России / О. А. Замулин, К. И. Сонин // *Вопр. экономики.* – 2019. – № 1. – С. 11–37.
10. Клейнер, Г. От «экономики физических лиц» к системной экономике / Г. Клейнер // *Вопр. экономики.* – 2017. – № 8. – С. 56–74.
11. Клейнер, Г. Б. Три вопроса к политэкономии (попытка системной интроспекции) / Г. Б. Клейнер // *Вопр. экономики.* – 2018. – № 8. – С. 118–128.
12. Клейнер, Г. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории / Г. Клейнер // *Вопр. экономики.* – 2015. – № 12. – С. 107–124.
13. Клейнер, Г. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории / Г. Клейнер // *Вопр. экономики.* – 2016. – № 1. – С. 117–139.
14. Кочнев, Р. Ю. Коррупция «одного окна»: теория и эмпирический анализ / Р. Ю. Кочнев, Л. И. Полищук, А. Ю. Рубин // *Вопр. экономики.* – 2018. – № 9. – С. 32–52.
15. Левин, М. Рентоориентированная Россия / М. Левин, Г. Сатаров // *Вопр. экономики.* – 2014. – № 1. – С. 61–78.
16. Моисеев, С. Р. «Ренессанс» монетаризма: чем жила знаменитая теория в 2000–2018 годах / С. Р. Моисеев // *Вопр. экономики.* – 2018. – № 1. – С. 26–45.
17. Натхов, Т. Инженеры или юристы? Институты и спрос на высшее образование / Т. Натхов, Л. Полищук // *Вопр. экономики.* – 2012. – № 10. – С. 30–52.

18. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М. : Начала, 1997. – 180 с.
19. Полтерович, В. Толерантность, сотрудничество и экономический рост / В. Полтерович // Вопр. экономики. – 2017. – № 11. – С. 33–50.
20. Полтерович, В. М. К общей теории социально-экономического развития. География, институты или культура? / В. М. Полтерович // Вопр. экономики. – 2018. – № 11. – С. 5–27.
21. Полтерович, В. М. К общей теории социально-экономического развития. Эволюция механизмов координации / В. М. Полтерович // Вопр. экономики. – 2018. – № 12. – С. 77–103.
22. Розинская, Н. Национальный проект «Доверие» / Н. Розинская, И. Розинский // Вопр. экономики. – 2015. – № 12. – С. 138–147.
23. Салихов, Б. В. Система государственной власти-собственности и качество человеческого капитала / Б. В. Салихов, И. С. Салихова // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 2 (43). – С. 45–52.
24. Салихов, Б. В. Анализ социально-экономического качества самообучающихся организаций в когнитивной экономике / Б. В. Салихов, И. С. Салихова // Экон. анализ: теория и практика. – 2015. – № 11. – С. 49–63.
25. Салихова, И. С. Достойная жизнь человека как основа инновационного развития современной экономики / И. С. Салихова, Б. В. Салихов // Инновации и инвестиции. – 2010. – № 3. – С. 37–49.
26. Салихова, И. С. Качество образовательных услуг: социально-экономическая онтология и основы эффективности управления / И. С. Салихова // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 3 (44). – С. 119–125.
27. Тамбовцев, В. Л. О научной обоснованности научной политики в Российской Федерации / В. Л. Тамбовцев // Вопр. экономики. – 2018. – № 2. – С. 5–33.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.10.2019

Salikhov B. V. Imperatives of Sustainable Development of Social and Economic Growth

The purpose of the article is to develop scientific and practical system recommendations that provide a significant transformation of the economic policy of the state towards the creation of real grounds for sustainable economic growth of the Russian economy. The methodology of the study was a systematic and interdisciplinary approach to the problem of sustainable socio-economic growth. The scientific novelty of the material consists in the following provisions: the interrelation of economic ideology, policy, management and economic practice as the main elements of the modern economy, designed to ensure its stability; the objective nature of the low efficiency of economic bureaucracy; the socio-economic mechanism of overcoming the failures of the state in the development of modern economic policy; the General scheme of the formation of a civilitarian system of property as an ontology of economic and social stability of any economic system.